

Муратова М.М.^{1*} , Онучко М.Ю.¹

¹Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилёва
г.Астана, Республика Казахстан
*e-mail: mereige@gmail.com

ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА ПАРЛАМЕНТА КАЗАХСТАНА: МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ГРАЖДАН

Аннотация

В статье цифровая платформа Парламента Республики Казахстан рассматривается не как совокупность разрозненных электронных сервисов, а как институционально оформленный механизм связи между законодательной властью и обществом. Актуальность исследования обусловлена тем, что цифровая трансформация государственного управления меняет не только технические параметры коммуникации, но и саму структуру публичного посредничества. Пандемия COVID-19 ускорила этот переход, превратив онлайн-инструменты из вспомогательного канала в устойчивую инфраструктуру повседневногo взаимодействия. Цель исследования состоит в выявлении функциональных возможностей, институциональных ограничений и политических эффектов цифровых инструментов, используемых Парламентом Казахстана для обеспечения прозрачности, обратной связи и элементов гражданского участия. Методологическая рамка объединяет институциональный подход, контент-анализ официальных цифровых ресурсов, сравнительный анализ зарубежных практик, case-study и SWOT-анализ. Эмпирическую базу составили портал parlam.kz, цифровые сервисы Мажилиса, система e-Otinish, официальные документы и статистические сведения по обращениям граждан и депутатским запросам. Показано, что цифровая платформа усиливает доступность парламентской информации, снижает транзакционные издержки взаимодействия и расширяет каналы обратной связи, но пока поддерживает преимущественно информационно-сервисную, а не полноценно партисипаторную модель. Мы утверждаем, что дальнейшее развитие цифрового парламентаризма в Казахстане требует усиления аналитических модулей, публичного мониторинга вовлечённости граждан и более тесной интеграции цифровых каналов в процессы формирования парламентской повестки.

Ключевые слова: цифровизация, парламент, Казахстан, электронное взаимодействие государства и граждан, электронное участие граждан, институциональные механизмы обратной связи.

Мұратова М.М.^{1*}, Онучко М.Ю.¹

¹Л.Н. Гумилёв атындағы Еуразия ұлттық университеті
Астана қ., Қазақстан Республикасы
*e-mail: mereige@gmail.com

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ПАРЛАМЕНТІНІҢ ЦИФРЛЫҚ ПЛАТФОРМАСЫ: БИЛІК ПЕН АЗАМАТТАРДЫҢ ӨЗАРА ӘРЕКЕТТЕСУ МЕХАНИЗМІ

Аңдатпа

Мақалада Қазақстан Республикасы Парламентінің цифрлық платформасы бір-бірінен оқшау электрондық сервистер жиынтығы ретінде емес, заң шығарушы билік пен қоғам арасындағы байланысты қамтамасыз ететін институционалдық тетік ретінде қарастырылады. Зерттеудің өзектілігі мемлекеттік басқарудың цифрлық трансформациясы саяси коммуника-

цияның тек техникалық форматын ғана емес, жария биліктің делдалдық құрылымын да өзгертіп жатқанымен байланысты. COVID-19 пандемиясы бұл үдерісті жеделдетіп, онлайн-құралдарды қосымша арнадан күнделікті өзара іс-қимылдың орнықты инфрақұрылымына айналдырды. Зерттеудің мақсаты – Қазақстан Парламенті қолданатын цифрлық құралдардың функционалдық мүмкіндіктерін, институционалдық шектеулерін және саяси әсерін айқындау. Әдіснамалық негізді институционалдық тәсіл, ресми цифрлық ресурстарға жүргізілген контент-талдау, шетелдік тәжірибелерді салыстырмалы талдау, case-study және SWOT-талдау құрайды. Эмпирикалық базаға parlam.kz порталы, Мәжілістің цифрлық сервистері, е-Otinish жүйесі, ресми құжаттар, сондай-ақ азаматтардың өтініштері мен депутаттық сауалдар жөніндегі статистикалық деректер енгізілді. Зерттеу нәтижелері цифрлық платформа парламенттік ақпараттың қолжетімділігін арттыратынын, өзара іс-қимыл шығындарын азайтатынын және кері байланыс арналарының аясын кеңейтетінін көрсетті. Сонымен бірге ол әзірге толыққанды партисипаторлық модельден гөрі ақпараттық-сервистік модельді күштірек қолдайды. Авторлар цифрлық парламентаризмнің келесі кезеңі азаматтардың тартылуын ашық мониторингтеуді, аналитикалық модульдерді дамытуды және цифрлық арналарды парламенттік күн тәртібін қалыптастыру үдерістеріне тереңірек кіріктіруді талап етеді деп пайымдайды.

Түйін сөздер: цифрландыру, парламент, Қазақстан, мемлекет пен азаматтардың электрондық өзара іс-қимылы, электрондық қатысу, кері байланыстың институционалдық тетіктері.

Muravova M.M.^{1}, Onuchko M.YU.¹*

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University

Astana, Republic of Kazakhstan

**e-mail: mereige@gmail.com*

DIGITAL PLATFORM OF THE PARLIAMENT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: A MECHANISM FOR INTERACTION BETWEEN GOVERNMENT AND CITIZENS

Abstract

This article examines the digital platform of the Parliament of the Republic of Kazakhstan not merely as a collection of fragmented electronic services, but as an institutionally embedded mechanism connecting the legislative branch with society. The relevance of the study stems from the fact that the digital transformation of public administration is reshaping not only the technical dimensions of communication but also the very structure of public intermediation. The COVID-19 pandemic accelerated this transition, transforming online tools from supplementary communication channels into a sustainable infrastructure for everyday interaction. The purpose of the study is to identify the functional capacities, institutional constraints, and political effects of the digital instruments employed by the Parliament of Kazakhstan to ensure transparency, facilitate feedback, and promote elements of citizen participation. The methodological framework combines an institutional approach, content analysis of official digital resources, comparative analysis of international practices, case-study methodology, and SWOT analysis. The empirical basis of the research includes the parlam.kz portal, the digital services of the Mazhilis, the e-Otinish system, official documents, and statistical data on citizens' appeals and parliamentary inquiries. The findings demonstrate that the digital platform enhances the accessibility of parliamentary information, reduces transaction costs associated with citizen–government interaction, and expands feedback mechanisms. At the same time, it predominantly supports an informational and service-oriented model rather than a genuinely participatory model. The article argues that the further development of digital parliamentarianism in Kazakhstan requires strengthening analytical capacities, introducing public monitoring mechanisms for citizen engagement, and ensuring closer integration of digital channels into parliamentary agenda-setting processes.

Keywords: digitalization, parliament, Kazakhstan, electronic interaction between the state and citizens, electronic participation, institutional feedback mechanisms.

Введение

В казахстанской политико-административной повестке цифровизация перестала восприниматься как вспомогательный технологический контур государственного управления и постепенно институционализируется как механизм трансформации публичной власти. Речь идёт не только о модернизации административных процедур, но и о перестройке каналов принятия решений, режимов подотчётности и форматов взаимодействия государства с гражданами. Объявление 2026 года Годом цифровизации и искусственного интеллекта закрепило этот курс на уровне государственной политики, однако само по себе технологическое приоритет не снимает ключевого исследовательского вопроса: выполняют ли цифровые платформы функцию институционального посредника между государством и обществом или остаются преимущественно интерфейсом административного обслуживания [1].

Казахстанский случай представляет аналитический интерес по двум основаниям. Во-первых, парламентская цифровизация развивается не автономно, а в рамках более широкой архитектуры электронного государства, включающей системы цифровой идентификации, межведомственного обмена данными и платформы электронных обращений [2; 8]. Во-вторых, цифровая парламентская среда носит распределённый характер и включает официальный портал parlam.kz, сайты палат, трансляции заседаний, публикацию стенограмм и депутатских запросов, а также интеграцию с системой электронных обращений граждан eGov Mobile и сервисом e-Otinish [2; 19]. В совокупности это формирует многоуровневую цифровую инфраструктуру, где парламент функционирует одновременно как архив данных и как интерфейс взаимодействия с обществом.

Эмпирическим примером масштабирования цифровой государственной инфраструктуры выступает развитие платформы электронного правительства, в частности eGov Mobile. За последние годы приложение прошло этапы институциональной и технологической эволюции: от ранней версии mGov (2012), предоставлявшей ограниченный набор справочных и платёжных сервисов, к комплексной платформе eGov Mobile (с 2019 года), интегрированной с системой биометрической идентификации и расширенным перечнем государственных услуг. Существенным этапом стало внедрение биометрической аутентификации в 2020 году, что снизило транзакционные издержки доступа к услугам, особенно в период пандемии [3].

Современная литература всё чаще трактует цифровую платформу не как простую программную надстройку, а как социотехническую конструкцию, в которой технологическая архитектура неотделима от правил координации, распределения ролей и институциональных ограничений. В этом понимании платформа организует не только обмен данными, но и саму логику взаимодействия между участниками, определяя режим доступа, последовательность действий и границы допустимого участия [4]. Для политического анализа это особенно важно, поскольку в цифровой среде институциональная форма власти частично переносится в дизайн интерфейсов, алгоритмов и процедур обработки информации.

Для парламентаризма данный вопрос носит принципиальный характер. Парламент как представительный институт обеспечивает не только производство норм, но и политическую артикуляцию общественных запросов, их фильтрацию и институциональную обработку. В этой логике цифровизация парламентской деятельности должна оцениваться не через количественные показатели цифровых сервисов, а через изменение режимов прозрачности, подотчётности и включения граждан в формирование повестки [5; 10]. Цифровая платформа парламента, таким образом, выступает не нейтральной технологической оболочкой, а структурой, задающей правила видимости, доступности и маршрутизации публичных запросов.

Дополнительным фактором ускорения цифровой трансформации выступила пандемия COVID-19, которая продемонстрировала зависимость устойчивости государственных институтов от качества цифровой инфраструктуры. В условиях ограничения очных форм коммуникации цифровые платформы стали критически важными для обеспечения непрерывности парламентских процедур и поддержания внешних каналов связи с гражданами. Тем

самым цифровизация проявила себя не как временное адаптационное решение, а как элемент институциональной устойчивости.

К настоящему времени eGov Mobile обеспечивает доступ к подавляющему большинству государственных услуг в цифровом формате, включая сервис «Цифровые документы», механизмы электронного подписания через QR-код, а также интеграцию с банковскими приложениями, ориентированного на малый и средний бизнес и обеспечивающего цифровое взаимодействие с государственными сервисами в предпринимательской сфере.

Таким образом, казахстанская модель цифрового государства демонстрирует переход от сервисной цифровизации к платформенной логике управления, в рамках которой цифровые интерфейсы становятся ключевым медиатором взаимодействия между государством, гражданами и бизнесом. Однако данный уровень технологической зрелости не автоматически трансформируется в расширение политического участия: влияние цифровых платформ на включение граждан в формирование парламентской повестки остаётся ограниченным и асимметричным, что требует отдельного институционального анализа.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном анализе цифровой платформы Парламента Республики Казахстан как институционального механизма взаимодействия между властью и гражданами. Для достижения этой цели решаются три задачи: уточнить теоретическое понимание цифровой платформы в контексте публичного управления, выявить функциональную архитектуру казахстанских парламентских цифровых инструментов, оценить их институциональные ограничения и политические эффекты. Основная гипотеза работы заключается в том, что цифровая платформа парламента в Казахстане уже выполняет значимые функции прозрачности и обратной связи, однако её влияние на реальное гражданское участие в формировании парламентской повестки остаётся частичным и асимметричным.

Методология исследования

Исследование построено на сочетании институционального подхода, контент-анализа официальных цифровых ресурсов, сравнительного анализа, метода case-study и SWOT-анализа. Такой дизайн обусловлен самим предметом исследования. Цифровая платформа парламента представляет собой многослойный объект: она включает нормативные основания, интерфейсные решения, организационные процедуры и фактические практики взаимодействия граждан с законодательной властью. Следовательно, описание лишь технологического уровня было бы методологически недостаточным, поскольку не позволяло бы выявить институциональные эффекты цифровизации, а SWOT-анализ даёт возможность дополнительно структурировать сильные и слабые стороны платформы, а также определить возможности её развития и потенциальные риски. В совокупности выбранная методологическая комбинация обеспечивает триангуляцию данных и повышает аналитическую валидность результатов исследования, поскольку позволяет сопоставлять нормативный, дискурсивный и функциональный уровни цифровизации парламентской деятельности.

В работах о цифровизации Казахстана исследовательский фокус чаще смещён к электронному правительству, автоматизации услуг и правовым аспектам цифровой трансформации [8; 15]. Парламентское измерение при этом анализируется значительно слабее, хотя именно оно позволяет увидеть, как цифровизация влияет на репрезентативные институты, а не только на исполнительную ветвь власти. Мы полагаем, что этот исследовательский пробел имеет не только эмпирическое, но и теоретическое значение: без анализа цифрового парламентаризма трудно понять, остаётся ли цифровое государство в Казахстане преимущественно административной конструкцией или постепенно приобретает свойства политически чувствительной и обратно связанной институциональной среды.

Институциональный подход использован для того, чтобы рассмотреть цифровую платформу как элемент архитектуры публичной власти, а не как внешний по отношению к парламенту технический сервис [17]. В фокусе анализа находились функции платформы, распределение ролей между парламентом, гражданами и административными структурами, а

также степень встроенности цифровых каналов в реальные процессы передачи и переработки политически значимой информации. Такой подход позволяет сместить акцент с технологической оснащённости на вопрос о том, каким образом цифровые интерфейсы меняют режим посредничества между обществом и законодательной властью.

Контент-анализ применялся к официальным цифровым ресурсам Парламента Республики Казахстан, прежде всего к portalу parlam.kz и ресурсам Мажилиса. Анализировались разделы, связанные с публикацией стенограмм, новостей, депутатских запросов, сведений о законопроектах, общественных площадках, приёме граждан и онлайн-трансляциях [16; 19]. Отдельный блок источников составили материалы о системе e-Otinish, сведения портала электронного правительства, нормативно-правовые акты, регулирующие электронный документооборот и защиту персональных данных [2; 17; 18]. Контент-анализ позволил описать не только состав сервисов, но и тип институциональной логики, лежащей в основе их организации: информационной, транзакционной или партисипаторной.

Сравнительный анализ использовался для сопоставления казахстанской модели с рядом зарубежных примеров, представляющих различные траектории цифровизации парламентаризма. В качестве референтных кейсов были выбраны Великобритания, США и Эстония. Выбор этих стран обусловлен тем, что они демонстрируют разные сочетания прозрачности, технологической интеграции и участия граждан: от гражданского мониторинга деятельности депутатов и навигации по законопроектам до более глубокой интеграции парламентских сервисов в национальную цифровую инфраструктуру [11–13]. Сравнение не преследует цель ранжирования моделей; его задача состоит в выявлении тех институциональных свойств, которые позволяют точнее описать специфику казахстанского случая.

Метод case-study был применён для анализа конкретного эпизода, в котором обращения граждан через цифровые каналы привели к усилению парламентского реагирования и к корректировке нормативной повестки. Этот инструмент необходим для проверки того, переводится ли цифровой сигнал в институционально значимое действие, то есть выходит ли коммуникация за рамки одностороннего информирования. В рамках кейса учитывались общественный резонанс проблемы, поступившие обращения, депутатские запросы и последующие меры институционального реагирования.

Эмпирическую базу исследования составили: 1) официальный портал Парламента Республики Казахстан и цифровые ресурсы Мажилиса; 2) материалы системы e-Otinish и информационные публикации eGov; 3) нормативные документы Республики Казахстан в сфере электронного документооборота, персональных данных и развития искусственного интеллекта; 4) статистические сведения по обращениям граждан и депутатским запросам, использованные авторами для анализа динамики и тематической структуры парламентской коммуникации [1; 2; 8; 16–19]. Ограничение исследования состоит в том, что значительная часть внутренних показателей качества обработки обращений и удовлетворённости пользователей остаётся недоступной в открытом виде. Поэтому результаты работы следует интерпретировать как институционально-политический анализ публично наблюдаемой цифровой инфраструктуры, а не как исчерпывающее измерение всех аспектов её эффективности.

SWOT-анализ был включён в методологическую часть как прикладной инструмент структурирования результатов. В рамках данного анализа сильные стороны цифровой платформы соотнесены с её институциональными ресурсами, слабые стороны – с ограничениями доступа, прозрачности и прослеживаемости эффекта обращений, возможности – с перспективами аналитических модулей и расширения цифровых консультаций, а риски – с проблемами цифрового неравенства, защиты персональных данных и возможной формализации участия граждан.

В совокупности методологическая стратегия обеспечивает триангуляцию данных на нормативном, дискурсивном и функциональном уровнях анализа. Дополнительно следует отметить ограничения применённого дизайна. Во-первых, часть эмпирических данных ограничена доступностью официальной публичной информации, что сужает возможности

анализа «закрытых» процедур парламентской цифровой инфраструктуры. Во-вторых, контент-анализ фиксирует преимущественно декларируемые и публично репрезентируемые характеристики цифровых платформ, что может не полностью отражать реальные паттерны пользовательского взаимодействия. В-третьих, сравнительный компонент исследования носит ограниченно-асимметричный характер ввиду различий в степени открытости и стандартизации данных между странами.

Тем не менее, выбранная методология обеспечивает достаточный уровень аналитической надёжности и воспроизводимости за счёт чёткой операционализации переменных, прозрачной структуры кейс-анализа и комбинирования качественных и сравнительных методов. Это позволяет рассматривать полученные результаты как устойчивую основу для дальнейших исследований цифрового парламентаризма, включая расширение выборки кейсов и применение количественных метрик e-participation.

Результаты исследования

Исследования цифровых платформ подчёркивают, что их значение определяется не набором технологических функций, а способностью перераспределять полномочия, видимость и контроль. М. де Рёвер, К. Сёренсен и Р. Бейсол связывают этот эффект с платформенной архитектурой, которая встраивается в управленческие и организационные процессы и тем самым меняет институциональные порядки [5]. Именно здесь возникает парадигмальное напряжение между эффективностью и участием: повышение удобства и скорости взаимодействия не обязательно означает расширение политической субъектности граждан.

Классической концептуальной рамкой для осмысления цифровой трансформации государства остаётся идея Т. О'Райли о «государстве как платформе» [6]. В её основе лежит отказ от представления о государстве как единственном производителе публичных благ и переход к модели, в которой государственные институты создают инфраструктуру совместного производства общественной ценности. Однако практическая реализация этой идеи в парламентской сфере сталкивается с двойственным эффектом. С одной стороны, цифровые каналы расширяют наблюдаемость законодательного процесса; с другой – они нередко закрепляют управляемый и ограниченный формат участия, в котором гражданин остаётся главным образом пользователем сервиса, а не соавтором политической повестки.

Нормативное измерение платформизации также занимает важное место в литературе. С.Вольц показывает, что регулирование цифровой среды требует поддержания сложного баланса между безопасностью, эффективностью и защитой прав пользователей [7]. Сходный вывод содержится в работе Д. Канавезе, А. Феррейры, Л. Камм и А. Кесады Родригес: фрагментированность регулирования и отсутствие согласованной архитектуры compliance-by-design снижают институциональную устойчивость цифровых систем [8]. В применении к парламентской сфере это означает, что цифровая модернизация не может рассматриваться вне рамок правовой подотчётности, защиты персональных данных и процедурной прозрачности.

Литература по электронному парламентаризму обычно концентрируется на двух взаимосвязанных измерениях. Первое – прозрачность законодательного процесса: доступ к стенограммам, голосованиям, законопроектам и позициям депутатов. Второе – участие граждан: электронные обращения, петиции, предложения к законопроектам, открытые консультации и иные формы цифрового соучастия [9–13]. Международные кейсы TheyWorkForYou, GovTrack и эстонской e-governance infrastructure демонстрируют, что цифровые инструменты могут существенно сокращать дистанцию между обществом и представительными институтами [11–13]. Вместе с тем эти примеры показывают и обратную сторону процесса: без процедурного механизма перевода цифровой активности в институционально значимый результат сама платформа остаётся в лучшем случае инструментом наблюдения, а не соучастия.

Казахстанская модель цифрового парламентаризма формировалась не в институциональном вакууме. Она встроена в общую архитектуру электронного государства, где сервисы идентификации, электронного документооборота и дистанционного взаимодействия с органами власти образуют единое коммуникационное поле. Утверждение Концепции развития

искусственного интеллекта на 2024–2029 годы дополнительно зафиксировало курс на интеллектуализацию управленческих процедур, использование аналитики данных и развитие цифровых сервисов для граждан [9]. В результате парламентская цифровая платформа стала рассматриваться как часть общего государственного перехода к более интегрированной и технологически насыщенной модели управления.

В структурном отношении цифровая платформа парламента складывается из нескольких уровней. Первый уровень – информационный: публикация новостей, стенограмм, депутатских запросов, материалов заседаний, сведений о законопроектах и иных документов, обеспечивающих наблюдаемость парламентской деятельности [20]. Второй уровень – процедурный: онлайн-трансляции заседаний, цифровая организация внутренней работы, навигация по законопроектам и доступ к общественным площадкам Мажилиса. Третий уровень – коммуникационный: общественная приёмная, формы подачи обращений, предложения к законопроектам, а также связка с e-Otinish как технологией маршрутизации и учёта обращений [2; 20]. Мы полагаем, что именно сочетание этих уровней позволяет говорить о цифровой платформе как об институциональном механизме, а не о наборе разрозненных сервисов.

Сравнение с зарубежными примерами помогает точнее зафиксировать специфику казахстанской модели. Платформа TheyWorkForYou ориентирована прежде всего на повышенную наблюдаемость законодательной деятельности и гражданский контроль над поведением парламентариев [12]. Американский GovTrack акцентирует внимание на навигации по законопроектам, голосованиям и позициям членов Конгресса [13]. Эстонский опыт интересен более глубокой интеграцией парламентских решений в общенациональную цифровую инфраструктуру, где сквозная цифровая связность сочетается с высокой институциональной дисциплиной данных и кибербезопасности [14]. Казахстан, на наш взгляд, движется по смешанной траектории: заметно усиливается публичность парламентских процедур, но при этом сохраняется доминирование сервисно-информационной логики над коллективно-партисипаторной.

Особое значение имеет интеграция парламентской коммуникации с системой e-Otinish. Данная система создаёт более формализованный режим обращения граждан к государственным органам: обращение подаётся дистанционно, регистрируется, получает уникальную траекторию прохождения, а пользователь может отслеживать статус и историю взаимодействий [2]. Для политического анализа здесь важно не только упрощение доступа, но и то, что общественный запрос приобретает институциональную память. Цифровой канал перестаёт быть эпизодическим и начинает выполнять функцию структурирования и накопления сигналов общества. Тем самым платформа действует как фильтр и переводчик социального опыта в формат, пригодный для административной и парламентской обработки.

Эмпирические данные по обращениям, поступившим в Мажилис в период с 2 сентября по 31 декабря 2025 года, демонстрируют реальную нагрузку на цифровой канал парламентской коммуникации. За указанный период общий объём обращений составил 16 634, причём наибольшая доля пришлась на вопросы судопроизводства и правопорядка (5 313), и предложения по законопроектам (4 358). Далее следуют социальные вопросы (2 683), жилищно-коммунальное хозяйство и строительство (731), наука, образование, культура и молодёжная политика (687), государственное управление (674), финансы и кредит (644), сельское хозяйство и экология (576), экономические реформы (442), здравоохранение (261), личный приём (164), действия и бездействие должностных лиц и противодействие коррупции (101). Эти данные важны не только как статистика нагрузки, но и как индикатор того, какие именно ожидания граждан переносятся в парламентский канал.

Структура обращений позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, парламент воспринимается гражданами не только как законодательный институт, но и как компенсаторный канал защиты интересов, когда иные сегменты государственной системы не обеспечивают ожидаемого эффекта. Во-вторых, высокая доля предложений по законопроектам показывает, что цифровая коммуникация не сводится к жалобам и запросам на административную помощь: в ней присутствует содержательное стремление влиять на нормотворческую повестку. В-третьих, значительная представленность социальных, жилищных и финансовых вопросов

указывает на то, что цифровая платформа используется как канал повседневной политической артикуляции, где социально-экономический опыт получает возможность перехода в формальный институциональный оборот.

Не менее показательной является тематическая структура депутатских запросов. Согласно анализируемым данным, в массиве из 102 запросов наибольшая часть была связана с экономикой, банковским сектором и предпринимательством (58), затем – с социальной защитой, здравоохранением и образованием (27), сельским хозяйством и агропромышленным комплексом (18), цифровизацией, информационной безопасностью и кибермошенничеством (17), культурой, СМИ, спортом, религией и языковой политикой (16), правовыми отношениями (15), строительством, транспортом, связью и ЖКХ (15), а также экологией, энергетикой, недропользованием, обороной и чрезвычайными ситуациями (по 9). Сопоставление этих блоков с тематикой гражданских обращений показывает, что между цифровым общественным запросом и парламентской реакцией существует хотя и не линейная, но вполне просматриваемая корреляция. Мы утверждаем, что именно здесь цифровая платформа начинает функционировать как интерфейс институционализации общественного опыта.

Показателен кейс, связанный с обращениями граждан по поводу доступности отдельных лекарственных препаратов с психоактивным эффектом для несовершеннолетних. Массовое беспокойство родителей и общественный резонанс были переведены в парламентскую повестку через цифровые обращения, депутатские запросы и контрольные действия. В результате проблема получила не только информационную видимость, но и институциональную обработку, связанную с выявлением пробелов в регулировании и усилением контрольных мер. С аналитической точки зрения важен не столько конкретный отраслевой результат, сколько сам механизм: цифровой канал обратной связи оказался способен запускать нормативно-значимую цепочку действий, то есть выходить за пределы простого сервиса приёма сообщений.

Анализ показывает, что цифровизация парламентаризма в Казахстане развивается как часть более широкой модернизации публичного управления. В последние годы цифровые технологии перестали быть периферийным инструментом административной рационализации и начали выполнять функцию структурного посредника между государством и обществом. Цифровизация парламентаризма может быть интерпретирована через концепцию публичной сферы Ю. Хабермаса, где коммуникация выступает основой формирования общественного мнения и взаимодействия общества и государства [23]. В этой логике парламентская цифровая платформа становится не просто средством публикации информации, а инфраструктурой политической коммуникации. Именно через неё гражданин получает доступ к информации о законотворческом процессе, наблюдает за публичными процедурами, направляет обращения, следит за их движением и, в ограниченной, но всё же значимой степени, влияет на тематический контур парламентской повестки.

Вместе с тем анализ выявляет и пределы текущей модели. К сильным сторонам платформы относятся круглосуточная доступность сервисов, снижение транзакционных издержек обращения, интеграция с элементами eGov, рост числа дистанционных обращений и сохранение непрерывности парламентской коммуникации в кризисных условиях. К слабым сторонам – неравномерный доступ в регионах, различия в уровне цифровой грамотности, отсутствие унифицированного открытого архива обработанных обращений, неполная прослеживаемость институционального эффекта отдельных обращений и дефицит системных индикаторов вовлечённости. Следовательно, цифровая платформа парламента в Казахстане уже преодолела стадию витринной цифровизации, но ещё не достигла той институциональной зрелости, при которой цифровые каналы становятся полноценным пространством коллективного обсуждения и регулярного гражданского соучастия в законодательном процессе.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют по-новому интерпретировать цифровую платформу Парламента Республики Казахстан. Её следует рассматривать не как набор прикладных инструментов, а как часть институциональной архитектуры современного парламентаризма. Существенно не то, сколько именно сервисов объединяет платформа, а то, какую модель

отношений между парламентом и обществом она закрепляет. В казахстанском случае эта модель строится вокруг доступности информации, возможности подачи обращений и публичности отдельных процедур, но лишь частично затрагивает коллективные формы участия. Это означает, что платформизация парламента пока усиливает главным образом наблюдаемость и управляемую обратную связь, а не полноценную *deliberative participation*.

Такой вывод согласуется с исследованиями платформенного гражданства. П. Кардулло и Р. Китчин справедливо отмечают, что цифровые платформы не являются нейтральной средой: сама архитектура интерфейса формирует допустимые модели поведения и видимость действий пользователей [21]. В применении к парламентской сфере это означает, что гражданин может быть сконструирован либо как наблюдатель, либо как заявитель, либо как участник коллективного обсуждения. Казахстанская платформа, как показывает проведённый анализ, пока институционально конструирует гражданина преимущественно как заявителя и пользователя канала обратной связи. Это важный, но всё же ограниченный режим цифрового участия.

Здесь проявляется базовое различие между сервисной и политической эффективностью. Сервисная эффективность определяется доступностью интерфейса, удобством подачи обращения, скоростью обработки и возможностью получить ответ. Политическая эффективность возникает тогда, когда цифровой канал влияет на структуру парламентской повестки, на приоритеты контроля и на параметры нормотворчества. В казахстанском случае мы наблюдаем достаточно убедительные признаки первой и лишь частично институционализированные признаки второй. Иными словами, система работает как канал доступа, но ещё не стала в полной мере каналом совместного формирования приоритетов.

Это различие особенно важно в контексте сравнительных исследований цифровой демократии. Международная литература показывает, что наличие цифрового канала само по себе не гарантирует демократического эффекта [9; 22]. Без встроенных процедур рассмотрения коллективных предложений, открытых консультаций, прозрачной аналитики и публичного отслеживания результатов обращения граждан рискуют превратиться в статистический фон, а не в ресурс политического воздействия. Мы полагаем, что именно здесь проходит основная граница между электронным обслуживанием и электронным участием.

При этом сильной стороной казахстанской модели остаётся её институциональная устойчивость. Пандемия продемонстрировала, что цифровые каналы выполняют функцию инфраструктуры непрерывности, позволяя сохранять публичность парламентских процедур и режим обратной связи даже при ограничении очного взаимодействия. Следовательно, значение платформы не исчерпывается её удобством; оно связано с более глубокой способностью обеспечивать воспроизводимость представительных институтов в условиях кризиса. Этот аспект редко получает должное внимание в дискуссиях о цифровизации, но именно он показывает, что цифровой парламентаризм относится не только к сфере технологий, но и к сфере институциональной выносливости.

Из результатов исследования вытекают и практические выводы *policy-oriented* характера. Во-первых, необходим переход от простой фиксации обращений к системному мониторингу гражданской вовлечённости: с открытыми индикаторами количества обращений, повторяемости тем, срока рассмотрения, глубины ответа и доли обращений, повлиявших на парламентские действия. Во-вторых, требуется усиление аналитических модулей платформы – в том числе за счёт технологий предварительной классификации, тематического картирования и выявления повторяющихся общественных проблем. В-третьих, следует расширять коллективные формы участия: открытые цифровые консультации, тематические площадки обсуждения законопроектов, механизмы публичного комментирования и обратной связи по итогам рассмотрения предложений. Только при этих условиях цифровая платформа сможет эволюционировать от интерфейса обслуживания к институционально зрелому пространству политического участия.

Таблица 1 показывает тематическую структуру цифровых обращений, а таблица 2 переводит выявленные институциональные характеристики платформы в формат SWOT-анализа.

1-Таблица. Структура обращений, поступивших в Мажилис Парламента Республики Казахстан в цифровой форме (2 сентября – 31 декабря 2025 года)

Характер обращений	Количество
Судопроизводство и правопорядок	5 313
Предложения по законопроектам	4 358
Социальные вопросы	2 683
Жилищно-коммунальное хозяйство, обеспечение жильём, строительство	731
Наука и образование, культура, молодёжная политика	687
Государственное управление	674
Финансы и кредит	644
Сельское хозяйство и экология	576
Экономические реформы	442
Вопросы здравоохранения	261
Характер обращений	Количество
Личный приём	164
Действия и бездействие должностных лиц, противодействие коррупции	101

Источник: систематизировано авторами по материалам анализа обращений, использованных в исследовании.

SWOT-анализ позволяет системно представить не только текущие сильные и слабые стороны цифровой платформы Парламента, но и возможные направления её дальнейшего развития, а также риски, которые могут ограничить переход от информационно-сервисной модели к более устойчивой партисипаторной архитектуре.

2- Таблица. SWOT-анализ цифровой платформы Парламента Республики Казахстан

Элемент SWOT	Содержание	Практическое значение для развития цифрового парламентаризма
Сильные стороны	Круглосуточный доступ; интеграция с элементами электронного государства; наличие e-Otinish и цифровых каналов обратной связи; публикация стенограмм, новостей, онлайн-трансляций и депутатских запросов.	Повышают наблюдаемость парламентской деятельности, снижают транзакционные издержки обращения и укрепляют регулярность коммуникации между гражданами и парламентом.
Слабые стороны	Неравномерный доступ в регионах; различия в цифровой грамотности; отсутствие единого открытого архива обработанных обращений; неполная прослеживаемость институционального эффекта отдельных обращений.	Ограничивают переход от сервисно-информационной модели к полноценному цифровому участию и затрудняют оценку реального влияния гражданских запросов на парламентскую повестку.
Возможности	Развитие аналитических модулей; тематическое картирование обращений; публичные индикаторы вовлечённости; открытые цифровые консультации по законопроектам; использование интеллектуальной классификации обращений.	Позволяют перейти от реактивного рассмотрения обращений к проактивному выявлению общественных проблем и более тесной связи цифровых каналов с законотворческой деятельностью.

Элемент SWOT	Содержание	Практическое значение для развития цифрового парламентаризма
Риски	Алгоритмическая непрозрачность; риски для персональных данных; формальное накопление обращений без политического эффекта; усиление цифрового неравенства; имитация участия при отсутствии процедурного влияния.	Требуют правовой подотчётности, независимого мониторинга, прозрачных критериев обработки данных и сохранения человеческого контроля над политически значимыми решениями.

Источник: авторская систематизация на основе проведённого институционального анализа и SWOT-интерпретации результатов исследования.

Представленный SWOT-анализ демонстрирует, что цифровая платформа Парламента Республики Казахстан уже функционирует как устойчивый элемент инфраструктуры электронного государства, обеспечивающий расширение доступности парламентской информации и развитие каналов формальной обратной связи. Сильные стороны платформы указывают на сформированную базовую архитектуру цифровой открытости, которая снижает институциональные барьеры взаимодействия граждан с законодательной властью и повышает прозрачность парламентской деятельности.

Вместе с тем выявленные ограничения свидетельствуют о сохраняющемся разрыве между сервисно-информационной моделью цифровизации и полноценной партисипаторной логикой. Слабые стороны и риски фиксируют институциональную асимметрию, при которой цифровые обращения граждан не всегда трансформируются в прослеживаемое влияние на процесс формирования парламентской повестки. Это указывает на ограниченную степень институционализации обратной связи.

Перспективные возможности цифровой платформы связаны с переходом к более сложным аналитическим и управленческим решениям, включая интеллектуальную обработку обращений, развитие открытых индикаторов гражданского участия и усиление прозрачности процедур рассмотрения инициатив. Однако реализация этих возможностей требует одновременного устранения рисков алгоритмизации без достаточной подотчётности, усиления цифрового неравенства и возможной имитации участия.

Таким образом, SWOT-анализ подтверждает ключевой вывод исследования: цифровая платформа парламента Казахстана находится в промежуточной институциональной фазе трансформации - от модели цифрового сервиса к потенциальной модели цифрового участия. Переход к последней требует не только технологического развития, но и институциональной донстройки механизмов прозрачности, ответственности и политической обратной связи.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что цифровая платформа Парламента Республики Казахстан уже занимает заметное место в системе взаимодействия между государством и гражданами. Её значение состоит не только в расширении доступа к парламентской информации, но и в формировании устойчивых каналов обратной связи, через которые общественные запросы получают институциональную видимость и возможность последующей переработки. За счёт этого парламентская цифровая среда становится важным элементом современной модели публичного управления.

Вместе с тем исследование подтверждает, что текущая конфигурация платформы остаётся преимущественно сервисно-информационной. Она усиливает прозрачность, снижает транзакционные издержки обращения и поддерживает дистанционную коммуникацию, однако ещё не обеспечивает в полной мере глубокую партисипаторность и коллективное соучастие граждан в формировании парламентской повестки. Иначе говоря, цифровой парламент в Казахстане уже

функционирует как инструмент наблюдаемости и институционализированной обратной связи, но пока лишь частично – как пространство совместного политического действия.

В этом смысле будущее казахстанского цифрового парламентаризма зависит не от простого наращивания числа электронных сервисов, а от качества их институциональной интеграции. Перспективными направлениями выступают создание системы публичных индикаторов вовлечённости, развитие аналитических модулей для оценки содержания обращений, повышение прозрачности связи между общественными запросами и депутатскими инициативами, а также расширение инструментов коллективного цифрового обсуждения. Использование интеллектуальных технологий для предварительной обработки обращений также представляется многообещающим, однако такие решения должны сопровождаться ясными процедурами подотчётности, защитой персональных данных и исключением алгоритмической непрозрачности. Мы полагаем, что именно переход от цифрового интерфейса обслуживания к институционально зрелому пространству участия станет ключевым критерием следующего этапа эволюции парламентской платформы Казахстана.

Дальнейшие исследования цифрового парламентаризма в контексте Республики Казахстан могут быть направлены на углубление эмпирической и методологической базы анализа, а также на расширение объяснительного потенциала полученных результатов. В первую очередь перспективным представляется переход от описательно-институционального уровня к измерению реального воздействия цифровых платформ на политическое поведение граждан и процесс принятия решений в парламенте. Это предполагает разработку количественных индикаторов эффективности цифрового участия, включая степень трансформации гражданских обращений в законодательные инициативы.

Отдельное направление исследований связано с анализом пользовательского измерения цифровых парламентских платформ. В данном контексте требуется изучение цифровых практик граждан, их мотивации, барьеров доступа и моделей взаимодействия с инструментами e-participation. Применение методов цифровой этнографии, поведенческой аналитики и survey-based исследований позволит выявить расхождение между формально доступными механизмами участия и их фактическим использованием.

Методологически значимым направлением является интеграция больших данных биг дата-аналитики и инструментов машинного обучения для анализа массивов электронных обращений граждан. Это позволит перейти от качественно-описательных оценок к выявлению паттернов общественных запросов, тематических кластеров и динамики политической повестки, формируемой через цифровые каналы.

Сравнительное измерение цифрового парламентаризма также остаётся недостаточно разработанным. Перспективным является расширение кросс-национальной выборки за счёт включения стран с различными моделями электронного государства, что позволит уточнить институциональные факторы успешной цифровой трансформации парламентов.

Таким образом, дальнейшие исследования должны двигаться в направлении мультиуровневого анализа, объединяющего институциональные, поведенческие и вычислительные подходы, что позволит существенно расширить понимание цифрового парламентаризма как сложной гибридной системы взаимодействия государства и общества.

Дополнительные сведения

Вклад авторов: М.М. Муратова осуществила разработку концепции исследования, сбор и первичную систематизацию эмпирических материалов, подготовку первоначального текста статьи. М.Ю. Онучко выполнил теоретико-методологическую доработку, критическую редакцию текста и итоговую верификацию аргументации. Авторы совместно одобрили окончательную версию рукописи.

Финансирование: Исследование выполнено без внешнего грантового финансирования.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Авторы выражают признательность экспертному сообществу, участвующему в обсуждении вопросов цифрового парламентаризма, за замечания, способствовавшие уточнению аналитической рамки исследования.

Приложение. Индикаторы институциональной зрелости цифровой парламентской платформы

Измерение	Базовый индикатор	Продвинуемый индикатор	Политический эффект
Прозрачность	Публикация стенограмм и трансляций	Машиночитаемые данные о ходе прохождения законопроектов	Рост наблюдаемости и общественного контроля
Обратная связь	Регистрация и маршрутизация обращений	Публичная аналитика результатов рассмотрения и повторных обращений	Повышение подотчётности парламента
Участие	Формы подачи предложений и обращений	Открытые цифровые консультации и обсуждение поправок	Расширение гражданского соучастия
Интеграция	Связка с eGov и e-Otinish	Сквозная синхронизация данных между парламентом и иными госорганами	Сокращение институциональных разрывов
Аналитика	Тематика обращений в ручной обработке	Интеллектуальная классификация, тематическое картирование и раннее выявление общественных проблем	Переход от реактивного к проактивному парламентаризму

Источник: разработано авторами как аналитическая схема на основе результатов настоящего исследования.

Список использованной литературы:

- 1 Указ Президента Республики Казахстан «Об объявлении Года цифровизации и искусственного интеллекта»: Указ Президента Республики Казахстан от 6 января 2026 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akorda.kz/ru/ob-obyavlenii-goda-cifrovizacii-i-iskusstvennogo-intellekta-601222> (дата обращения: 22.04.2026).
- 2 Электронные обращения. Сервис eGov и платформа e-Otinish [Электронный ресурс]. URL: https://egov.kz/cms/ru/services/e_app (дата обращения: 22.04.2026).
- 3 eGov Mobile: 5 лет eGov Mobile: государственные услуги и сервисы в смартфоне: электронный ресурс. – Текст: электронный // eGov.kz. – URL: https://egov.kz/cms/ru/news/5years_of_eGovMobile (дата обращения: 01.06.2026).
- 4 Бычков А.В. Цифровая платформа как информационно-экономическая структура // Экономика и предпринимательство. 2022. № 6(139). С. 42–48.
- 5 De Reuver M., Sørensen C., Basole R.C. The digital platform: a research agenda // Journal of Information Technology. 2018. Vol. 33. № 2. P. 124–135.
- 6 O'Reilly T. Government as a Platform // Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice / ed. by D. Lathrop, L. Ruma. Sebastopol: O'Reilly Media, 2010. P. 11–40.
- 7 Volz S. Age restrictions as a tool for enhancing children's online safety: An analysis with a particular focus on Australian legislation // Computer Law & Security Review. 2026. Vol. 53. Article 106278.
- 8 Canavese D., Ferreira A., Kamm L., Quesada Rodríguez A. Identifying issues of cross-regulation in EU cybersecurity legislation // Information and Software Technology. 2026. Vol. 175. Article 108033.

9 Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 года №592 [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592> (дата обращения: 22.04.2026).

10 Kabuya Bayati P., Antonelli M., Tsikata K. E-parliament systems and the future of parliaments [Electronic resource] // World Bank Blogs. 2023.

11 Rumbul R., Mulder G., Parsons A. Parliament and the people: how digital technologies shape democratic information flows in Sub-Saharan Africa. London: mySociety, 2021.

12 TheyWorkForYou. Digital parliamentary transparency platform [Electronic resource]. URL: <https://www.theyworkforyou.com> (accessed: 22.04.2026).

13 GovTrack. Platform for tracking congressional activity [Electronic resource]. URL: <https://www.govtrack.us> (accessed: 22.04.2026).

14 e-Estonia. e-Governance solutions [Electronic resource]. URL: <https://e-estonia.com/solutions/e-governance/> (accessed: 22.04.2026).

15 Харченко О.В. Электронный парламент как этап развития информационного общества // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2016. № 3. С. 112–118.

16 Ильичёва Л.Е., Лапин А.В. Партнёрство государства и гражданского общества в цифровом пространстве как условие реализации прав граждан // Власть. 2021. № 9. С. 30–35.

17 Мажилис Парламента Республики Казахстан. Итоги деятельности Мажилиса Парламента Республики Казахстан VIII созыва за вторую сессию [Электронный ресурс]. URL: https://mazhilis.parlam.kz/media/activity_result/documents/2024-08-02/Итоги_на_рус_2024.pdf (дата обращения: 22.04.2026).

18 Об электронном документе и электронной цифровой подписи: Закон Республики Казахстан от 7 января 2003 г. № 370-II [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000370> (дата обращения: 22.04.2026).

19 О персональных данных и их защите: Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 г. № 94-V [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094> (дата обращения: 22.04.2026).

20 Парламент Республики Казахстан. Официальный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.parlam.kz/ru/> (дата обращения: 22.04.2026).

21 Cardullo P., Kitchin R. Platform citizenship and participation through digital platforms // Digital Geography and Society. 2025. Vol. 8. Article 100123.

22 Asimakopoulou G., Antonopoulou H., Giotopoulos K., Chalkiopoulos K. The impact of information and communication technologies on democratic processes and citizen participation // Societies. 2025. Vol. 15. № 2. Article 40.

23 Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: исследование категории буржуазного общества. – Кембридж: Polity Press, 1989.

References:

1 Decree of the President of the Republic of Kazakhstan “On declaring the Year of Digitalization and Artificial Intelligence” (2026). [Electronic resource]. Available at: <https://www.akorda.kz/ru/ob-obyavlenii-goda-cifrovizacii-i-iskusstvennogo-intellekta-601222> (circulation date: 22.04.2026). [In Russ.].

2 Electronic applications. eGov service and e-Otinish platform. [Electronic resource]. Available at: https://egov.kz/cms/ru/services/e_app (circulation date: 22.04.2026). (In Russ.).

3 eGov Mobile: 5 years of eGov Mobile – public services and digital services in a smartphone. [Electronic resource]. Available at: https://egov.kz/cms/ru/news/5years_of_eGovMobile (circulation date: 22.04.2026). [In Russ.].

4 Bychkov A. V. Digital platform as an information-economic structure. Economics and Entrepreneurship, 2022, № 6(139), P. 42–48. [In Russ.].

5 De Reuver M., Sørensen C., Basole R. C. The digital platform: a research agenda. Journal of Information Technology, 2018, Vol. 33, № 2, P.124–135.

- 6 O'Reilly T. *Government as a Platform*. In: Lathrop D., Ruma L. (eds.) *Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice*. Sebastopol: O'Reilly Media, 2010. P. 11–40.
- 7 Volz S. Age restrictions as a tool for enhancing children's online safety: An analysis with a particular focus on Australian legislation. *Computer Law & Security Review*, 2026, Vol. 53, article 106278.
- 8 Canavese D., Ferreira A., Kamm L., Quesada Rodríguez A. Identifying issues of cross-regulation in EU cybersecurity legislation. *Information and Software Technology*, 2026, Vol. 175, article 108033.
- 9 Decree on approval of the Concept for the Development of Artificial Intelligence for 2024–2029. Government of the Republic of Kazakhstan, 2024. [Electronic resource]. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592> (circulation date: 22.04.2026). [In Russ.].
- 10 Kabuya Bayati P., Antonelli M., Tsikata K. E-parliament systems and the future of parliaments. *World Bank Blogs*, 2023. [Electronic resource]. Available at: <https://blogs.worldbank.org> (circulation date: 22.04.2026).
- 11 Rumbul R., Mulder G., Parsons A. *Parliament and the People: How Digital Technologies Shape Democratic Information Flows in Sub-Saharan Africa*. London: mySociety, 2021.
- 12 TheyWorkForYou: Digital parliamentary transparency platform. [Electronic resource]. Available at: <https://www.theyworkforyou.com> (circulation date: 22.04.2026).
- 13 GovTrack: Platform for tracking congressional activity. [Electronic resource]. Available at: <https://www.govtrack.us> (circulation date: 22.04.2026).
- 14 e-Estonia: e-Governance solutions. [Electronic resource]. Available at: <https://e-estonia.com/solutions/e-governance/> (circulation date: 22.04.2026).
- 15 Kharchenko O. V. Electronic parliament as a stage of information society development. *Bulletin of Saratov Socio-Economic University*, 2016, №3, P. 112–118.
- 16 Ilyicheva L. E., Lapin A. V. Partnership between the state and civil society in the digital space as a condition for the realization of citizens' rights. *Power*, 2021, № 9, P. 30–35. [In Russ.].
- 17 Mazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. Results of the activity of the Mazhilis of the VIII convocation (second session). [Electronic resource]. Available at: https://mazhilis.parlam.kz/media/activity_result/documents/2024-08-02/Итоги_на_р_с_2024.pdf (circulation date: 22.04.2026). [In Russ.].
- 18 On electronic document and electronic digital signature: Law of the Republic of Kazakhstan № 370-II dated 7 January 2003. [Electronic resource]. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000370> (circulation date: 22.04.2026). [In Russ.].
- 19 On personal data and its protection: Law of the Republic of Kazakhstan No. 94-V dated 21 May 2013. [Electronic resource]. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094> (circulation date: 22.04.2026).
- 20 Parliament of the Republic of Kazakhstan. Official portal. [Electronic resource]. Available at: <https://www.parlam.kz/ru/> (circulation date: 22.04.2026). [In Russ.].
- 21 Cardullo P., Kitchin R. Platform citizenship and participation through digital platforms. *Digital Geography and Society*, 2025, Vol. 8, article 100123.
- 22 Asimakopoulos G., Antonopoulou H., Giotopoulos K., Chalkiopoulos K. The impact of information and communication technologies on democratic processes and citizen participation // *Societies*. 2025. Vol. 15. № 2. Article 40.
- 23 Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge: Polity Press, 1989.